

— Хозяин Двора Жунли — четвертый сын княгини, всего лишь сын наложницы низкого происхождения, который не раз и не два устраивал козни, навредив старшей дочери и самой княгине. Теперь старшая дочь пропала без вести, а княгиня, погруженная в печаль, давно уже возненавидела этого сына наложницы и крайне желает, чтобы кто-нибудь нашел способ убить его, дабы утолить свою ненависть.

Старая матушка опустила глаза, сделав испуганный вид, и тихо вздохнула:

— Вот как... Если бы не слова госпожи Цю Фу, я бы и не знала, что этот низкорожденный сын — такая хитрая и опасная особа.

Он смог одолеть законную дочь и законную мать, что лишь подтверждает его глубокий ум и изощренные методы.

Матушка опустила глаза, внешне почтительно соглашаясь, но в глубине её взгляда читалось пренебрежение.

— В Дворе Жунли не только хозяин опасен, но и его служанки — те еще головная боль.

Цю Фу не видела её выражения лица и полагала, что матушка восприняла её слова всерьез. Боясь, как бы та недостаточно осторожно не попала в ловушку Гу Чжису, она вспомнила, что недавно лазутчик госпожи Синь в третьем доме доложил: служанка Ляньчжу из окружения Гу Чжису, похоже, владеет боевыми искусствами. Хотя сама Цю Фу не верила в это, она решила использовать эту информацию, чтобы напугать матушку. Резко повернувшись, она увидела, что матушка Лю согнулась в поклоне, и на её лице появилась острая улыбка:

— Не говоря уже о помощниках, которых этот сын наложницы нашел снаружи, даже новая служанка Ляньчжу, недавно поступившая в Двор Жунли, владеет боевыми искусствами. С ней будет нелегко справиться.

Услышав о боевых искусствах, матушка резко подняла глаза, и в них явно читалась паника:

— Владеет боевыми искусствами? Это действительно...

Цю Фу, увидев, что матушка напугана, удовлетворительно кивнула, легонько коснулась её плеча и тихо произнесла:

— Поэтому, матушка, если вы пойдете туда, будьте осторожны.

Матушка дрожа, поспешно согласилась, не забыв при этом крепче прижать к себе серебро. Цю Фу раздраженно отвернулась:

— Спасибо, госпожа Цю Фу, за предупреждение, иначе я бы ненароком попала в ловушку.

— Не стоит благодарности, матушка.

Они вышли из галереи одна за другой. Цю Фу отряхнула рукав, взяла бумажный фонарь и, слегка кивнув, повернулась, чтобы вернуться в Двор Линьцзян, оставив за собой лишь легкий отзвук своих слов.

— Я провожу вас только до сюда, матушка. Идите с миром.

Матушка наблюдала, как фигура Цю Фу становилась все меньше и наконец исчезла во тьме. Она сжала губы, и на её морщинистом лице появилась улыбка, но выражение было странно

зловещим, а глаза оставались безжизненными и холодными.

— И вы идите с миром, госпожа Цю Фу... С миром.

Когда фигура Цю Фу окончательно исчезла, сгорбленная матушка крепче прижала к себе серебро и, не зажигая света, пошла вперед, шагая по холодным каменным плитам. Пройдя через арку, она оказалась в темном углу, где выпрямилась. Её морщинистое лицо оставалось бесстрастным, пока она не вытащила серебро и, держа его в руке, тихим хриплым голосом произнесла:

— Двор Жунли... Гу Чжису...

Сказав это, она вдруг тихо засмеялась, и её голос, словно изъеденный чем-то, стал еще хриплее:

— Фамилия Гу, рядом с ним опасные служанки... Как интересно.

Лунный свет мягко лился через окно, освещая грушевое дерево в Дворе Жунли, рядом с которым у резного окна стоял человек с прекрасным, но холодным лицом.

Юэ Яо, только что войдя во двор и поднявшись на галерею, увидела фигуру, стоящую неподалеку. Не решаясь следовать за его взглядом, она осторожно поклонилась:

— Юэ Яо приветствует господина.

— Что привело тебя сюда? — Под лунным светом Гу Чжису стоял высокий и стройный, его тень вытянулась на земле, а узор из груш на рукаве слабо мерцал. Его тонкие губы изогнулись в улыбке, но голос и взгляд оставались холодными. — Это Чанъань послал тебя?

Юэ Яо взглянула на него и, увидев его спокойное выражение лица, поняла, что он уже что-то предвидел. Даже после двух недель общения с этим человеком она все еще не могла понять, о чем он думает.

К счастью, она испытывала к Гу Чжису глубокое уважение и, услышав его вопрос, поспешно поклонилась:

— Да, поскольку предательница Юэ Мэй — не обычный человек, наш господин опасается, что с вами может что-то случиться, поэтому...

Гу Чжису слегка приподнял бровь:

— Этот предатель опасен?

Юэ Яо поняла, что его вопрос имеет скрытый смысл, и, зная, что он хочет узнать, в чем именно заключается опасность, после долгого раздумья ответила:

— Господин, предательница... это та, кто когда-то составляла для вас благовония.

— Благовония... Юэ Мэй... Неудивительно, что имя кажется знакомым. Я действительно слышал его раньше.

Гу Чжису всегда чувствовал, что имя Юэ Мэй ему знакомо, и теперь, услышав это, он вспомнил что-то. Его тонкие губы слегка изогнулись в улыбку, но в глазах не было и намека на веселье.

— Почему она предала?

Юэ Яо не знала, как объяснить причину, ведь Юэ Мэй влюбилась в их господина, и после составления благовоний он обнаружил это, что привело к её ненависти и предательству. Она долго молчала, не в силах вымолвить ни слова.

Гу Чжису, не услышав ответа, повернулся и пристально посмотрел на неё. Его взгляд под лунным светом не был мягким, а скорее острым, как лезвие, словно он мог проникнуть в её мысли:

— Что? Есть что-то, что ты не можешь сказать?

Юэ Яо, почувствовав себя неуверенно, набралась смелости и ответила:

— Господин, на самом деле... Юэ Мэй предала из-за вас...

Услышав это, Гу Чжису слегка улыбнулся, долго смотрел на неё, пока Юэ Яо не почувствовала холод в спине и не захотела отступить. Тогда он медленно вздохнул:

— Этот повод вызывает у меня некоторые сомнения.

Юэ Яо слегка подняла голову, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Гу Чжису поворачивается и смотрит на грушевое дерево. После долгого молчания она осторожно произнесла:

— Господин...

Гу Чжису тихо засмеялся, его черты под лунным светом смягчились, но стали еще холоднее.

Его голос был низким и ледяным, как горный ручей, заставив Юэ Яо содрогнуться:

— Предательство Юэ Мэй, вероятно, связано не со мной, а с вашим господином.

Юэ Яо, услышав это, поняла, что он, хотя и не спрашивал, догадался, что это дело связано с Синь Юаньанем, и, возможно, даже уловил намек на чувства Юэ Мэй. Она не осмелилась продолжить, лишь опустила голову и тихо сказала:

— Господин мудр.

— В таком случае, мне больше не о чем спрашивать. — Гу Чжису, не глядя на неё, знал, что она чувствует себя неловко, боясь говорить о своем господине. У него не было гнева, но к Юэ Мэй он испытывал странное чувство. Он махнул рукой и тихо приказал. — Иди и обсуди с Ляньчжу и Цинь-эр, как лучше укрепить защиту этого двора и успокоить вашего господина.

Услышав легкую улыбку в его голосе, Юэ Яо наконец расслабилась, поклонилась и исчезла в темноте:

— Как прикажете, господин.

Выйдя из галереи и направляясь к переднему двору, Юэ Яо вытерла пот со лба и увидела Ху Цинь-эр, стоящую неподалеку. Она улыбнулась и подошла к ней. Когда-то Ху Цинь-эр, известная как Юэ Цинь, была близкой подругой Юэ Яо в организации Юэ Хуэй.

Ху Я стоял вдалеке, наблюдая за ними, и, увидев, как они встретились, засмеялся, не зная, о чем они говорят. Ляньчжу сидела на каменной скамье, разглядывая банки с травами, которые

Гу Чжису принес ей. Внезапно она услышала что-то, резко подняла голову и посмотрела на ворота двора, настороженно произнеся:

— Кто-то идет.

Юэ Яо, стоящая неподалеку, тут же замолчала и быстро подошла к воротам, заглянув наружу. Увидев матушку в коричневой куртке, сгорбленную и идущую к ним, она мрачно произнесла:

— Это Юэ Мэй.

Ляньчжу, с полудня зная, что человек, за которым наблюдала Цюнхуа, оказался предателем из Юэ Хуэй, подошла к ней и, взглянув, усмехнулась:

— Какое совпадение.

<http://bllate.org/book/16652/1526505>